

Старейшина Сун, увидев его улыбку, спросил:

— Почему вы улыбаетесь, князь?

Се Юаньши откровенно ответил:

— Естественно, я завидую. Видя, как вы полны энергии, я сам почувствовал прилив сил.

Старейшина Сун внимательно посмотрел на его бледное лицо. Здоровье князя Цинь всегда было не самым лучшим, и в его сердце зародилось чувство вины:

— Я нагло пришел к вам, беспокоя ваш покой, это неправильно.

— Что вы, старейшина, я уже счастлив, что вы посетили мой дом.

Старейшина Сун выглядел серьезным, его забота была очевидна:

— Вчера на утреннем собрании я видел, что вы чувствуете себя неважно. Император уже разрешил вам не посещать собрания, почему вы не остались дома сегодня, чтобы отдохнуть?

Се Юаньши помолчал.

Се Юаньши с сожалением сказал:

— На собрании я понял, что император и наставник Чжун заботятся обо мне, но предложение наставника... Я уже получил от императора много заботы, нельзя быть слишком избалованным.

— Вы действительно...

Старейшина Сун, хотя и не выражал свою заботу о Се Юаньши так явно, как цензор Чжан и наставник Чжун, в душе тоже был к нему пристрастен.

— Вы выросли вместе с императором, он всегда так вас баловал, как же у вас получился такой правильный характер.

Почему вы так упрямы.

Се Юаньши, зная его добрые намерения, молча улыбнулся и налил ему чаю:

— Старейшина, вы так заняты делами Внутреннего кабинета, как же у вас нашлось время посетить меня?

— Кстати, — сказал старейшина Сун:

— Чжан Гуцин, узнав, что я иду к вам, попросил передать вам свои извинения.

Се Юаньши удивился:

— Извинения?

Старейшина Сун объяснил:

— У него есть ученик по имени Чжао Цзе, тоже цензор. Недавно он вас обидел, Чжан Гуцин его отругал и объяснил, что он осознал свою ошибку.

— Он хотел лично прийти к вам и извиниться, но так как этот инцидент не стал достоянием общественности, и учитывая, что Чжао Цзе — цензор, опасаясь, что в будущем могут возникнуть слухи о сговоре с придворными, что может повредить вам, он решил, что извинится позже, если представится возможность. Надеюсь, вы не будете против.

В тот день Се Юаньши по делам пришел в Цензорат к цензору Чжану и случайно услышал, как Чжао Цзе обсуждал его с другими чиновниками, говоря, что он, пользуясь благосклонностью императора, высокомерен.

Се Юаньши не рассердился. У каждого свое мнение, он не может контролировать мысли других. Любить его или ненавидеть — это их право, к тому же Чжао Цзе не говорил этого специально в его присутствии.

Се Юаньши хотел незаметно уйти, чтобы не ставить Чжао Цзе в неловкое положение, но цензор Чжан внезапно появился за его спиной и тоже услышал этот разговор. Он тут же разозлился и хотел выйти и отругать Чжао Цзе, но Се Юаньши уговорил его не делать этого.

— Если вы сейчас выйдете, нам обоим будет неловко. Он и так думает, что я высокомерен. Если вы за меня заступитесь, я буду благодарен, но он еще больше уверится, что я пользуюсь вашей поддержкой. К тому же, если это станет известно, это может повредить его карьере. Он всего лишь сказал несколько слов, ничего страшного.

Цензор Чжан, увиденный Се Юаньши, был и зол, и чувствовал себя виноватым. Зол, что кто-то так говорит о Се Юаньши, и виноват, что это его ученик. Он долго объяснял Се Юаньши:

— Чжао Цзе — мой ученик, но я, Чжан Гучин, всегда поступаю честно. То, что он сказал, — не мое мнение. В моих глазах вы не такой человек!

Прошло уже немало времени, а цензор Чжан все еще помнил об этом. Се Юаньши не придавал значения словам Чжао Цзе, но был тронут заботой цензора Чжана.

— Я понял, спасибо вам, старейшина, за передачу сообщения. Передайте мою благодарность цензору Чжану, пусть он не переживает из-за этого.

— Старейшина, вы пришли ко мне из-за дела императорского гарема?

Услышав это, Сун Лян нахмурился:

— Именно так, князь. Вы знаете, что я недавно неоднократно просил императора взять наложниц, но каждый раз он либо отказывается, либо откладывает.

Докладные записки Внутреннего кабинета также остаются без ответа.

— Если это будет продолжаться, что же будет? Князь, вы обязательно должны помочь мне.

Се Юаньши осторожно сказал:

— В этом я не могу помочь.

— Если вы попросите, император точно послушает.

— Как так? — возразил Се Юаньши:

— Император сам принимает решения. Если он отказал вам, то и мои слова ничего не изменят.

К тому же император взошел на престол всего три года назад, и его нежелание брать наложниц вполне понятно.

— Именно об этом я и хотел поговорить, — он выглядел серьезным:

— Я подумал, что брать наложниц действительно не обязательно, но основа государства — это императрица.

Учреждение императрицы связано с наследником престола. В Великой Ци наследники всегда были сыновьями императрицы, если только у императора не было своих детей, и ему приходилось усыновлять их из семьи, но это случалось крайне редко.

— Старейшина, вы имеете в виду...

Старейшина Сун встал, поднял полы своего халата и «бух» опустился на колени перед Се Юаньши, что заставило его тут же вскочить с кресла.

— Я прошу вас, князь, уговорить императора учредить императрицу!

— Старейшина, что вы делаете, встаньте!

Се Юаньши попытался поднять старейшину Суна, но тот упрямо не вставал, продолжая стоять на коленях:

— Князь, уговорите императора!

— Когда император взошел на престол, он сказал, что будет учиться на ошибках предыдущего императора, но не повторять их не означает идти в другую крайность.

Теперь, когда три года траура по предыдущему императору прошли, это лучшее время для учреждения императрицы. Если затянуть с этим, это только заставит людей вспомнить о безумствах предыдущего императора в старости!

— Князь, просто попробуйте, если вы приложите усилия, каков бы ни был результат, я не буду иметь претензий.

После долгого молчания Се Юаньши сказал:

— Старейшина, вставайте, я согласен.

— Но вы знаете, что учреждение императрицы — это решение императора. Если он не слушает меня, не вините меня.

— Благодарю вас, князь!

Старейшина Сун был так рад, что слезы навернулись на его глаза, как будто он уже видел луч надежды.

После ухода старейшины Суна Ся Пэя вытащили за воротник из угла и подвели к Се Юаньши.

— Эй! Что ты делаешь! Се Цю, отпусти, я сам пойду!

Се Юаньши стоял во дворе, задумавшись, и только услышав звуки, очнулся и взглянул на них. Се Цю выглядел холодным, без эмоций, и, что бы Ся Пэй ни говорил, не отпускал его.

Он был главным телохранителем поместья князя Цинь, обычно находился в тени и сопровождал Се Юаньши, но редко показывался.

— Что случилось? — спросил Се Юаньши.

Ся Пэй присел на корточки, надув губы:

— Я ничего не сделал.

Се Цзю сказал:

— Да, ты ничего не сделал, просто подслушал разговор.

Се Юаньши приказал не беспокоить, но Ся Пэй подумал, что старейшина Сун вдруг принес столько подарков, значит, у него есть просьба к хозяину, и беспокоился, что это может быть нечто плохое, поэтому хотел послушать, вдруг это нечто неприятное.

Встретив взгляд Се Юаньши, он понуро опустил голову, рисуя круги на земле:

— Ну... я просто подумал, что старейшина так серьезно относится к этому, принес визитную карточку и столько подарков, я хотел узнать, о чем он говорит с хозяином.

— Я виноват, я не должен был подслушивать разговор хозяина.

В следующий раз осмелится.

— Хозяин, не сердитесь.

Внезапно на макушке почувствовалось легкое прикосновение. Ся Пэй удивленно поднял голову, Се Юаньши погладил его по волосам.

Ся Пэй сразу понял, что хозяин понимает его добрые намерения, и ему стало немного грустно, но в то же время на душе стало тепло.

Хозяин — самый лучший!

— Больше так не делай.

Ся Пэй ответил:

— Угу, понял.

Се Юаньши отпустил Се Цзю и вместе с Ся Пэем вернулся в комнату.

— Ты все слышал?

Ся Пэй, еще находясь под впечатлением от предыдущего момента, сначала сказал:

— А?

Потом понял, что Се Юаньши спрашивает о его разговоре со старейшиной Суном.

Ся Пэй кивнул, он все слышал.

— Хозяин, вы действительно пойдете?

Се Юаньши остановился на галерее. После полудня погода стала пасмурной, и снова начал падать снег. В Шанцзине так всегда, зимой часто идет снег, и редко бывают солнечные дни.

— Снова снег.

Ся Пэй вовремя чихнул:

— Хозяин, давайте зайдем в дом, здесь холодно.

Се Юаньши вошел в комнату, Ся Пэй пододвинул жаровню ближе к нему, и Се Юаньши вдруг спросил:

— Как ты думаешь, мне стоит идти?

Ся Пэй покачал головой, подумал и снова несколько раз покачал, как будто одного раза было недостаточно, чтобы выразить его мысли.

— Почему?

Ся Пэй подумал, конечно, потому что возлюбленный императора — это ты, зачем учреждать императрицу, если это будет ты.

[Примечаний нет]

<http://bllate.org/book/16209/1454843>